

- Dubin 2003** – Dubin B. Vverh po lestnice, ne vedushchej nikuda: Zhiznennye orientiry sovremennoj rossijskoj molodezhi // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2003. № 1. S. 16-23.
- Lisovskij 2000** – Lisovskij V. T. Duhovnyj mir i cennostnye orientacii molodezhi Rossii. SPb.: SPbGU, 2000. 519 s.
- Makarova 2013** – Makarova G. V. Programma razvitiya volonterskogo dvizheniya «Tvorim dobro» // Klassnyj rukovoditel'. 2013. № 2. S. 105-112.
- Primernaya programma 2020** – Primernaya programma uchebnogo kursa «Shkola volontyora» (predmetnaya oblast' «Obshchestvennye nauki») dlya obrazovatel'nyh organizacij, realizuyushchih programmy srednego obshchego obrazovaniya: odobrena resheniem federal'nogo uchebno-metodicheskogo ob"edineniya po obshchemu obrazovaniyu (protokol ot 26 oktyabrya 2020 g. № 4/20).
- Strategiya 2015** – Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 maya 2015 g. № 996-r. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.
- Trofimov 2011** – Trofimova N. M. Vospitanie podrostkov v volonterskoj organizacii // Vospitanie shkol'nikov. 2011. № 5. S. 46-49.

УДК 94(44).05
DOI 10.26170/2413-872X_2021_24_28
Код ВАК 07.00.03

А. А. Постникова

РУССКАЯ КАМПАНИЯ В ПАМЯТИ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: МЕЖДУ «НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЛЕГЕНДОЙ» И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ*

Автор статьи обратилась к особенностям формирования образа русской кампании 1812 г. в памяти французов в эпоху Реставрации и Июльской монархии. Именно первая половина XIX в. стала важным этапом конструирования «французской» версии событий 1812 г. Автор пришла к выводу, что интерпретация сражений этой войны как «моральной» и военно-стратегической победы Великой армии сменяли друг друга на протяжении многих лет под воздействием изменений внутриаполитической ситуации во Франции, балансируя между «наполеоновской легендой» и исторической наукой.

Ключевые слова: историческая память; травматический опыт; коммеморативные практики; русская кампания; наполеоновские войны; наполеоновская эпоха; общественное сознание.

Сведения об авторе: Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник «Научно-образовательного центра регионального историко-культурного наследия и

© Постникова А. А., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113.

кросс-культурных связей» Института истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; e-mail: alina33_07_87@mail.ru.

Alena A. Postnikova

RUSSIAN CAMPAIGN IN THE MEMORY OF FRANCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: BETWEEN THE “NAPOLEONIC LEGEND” AND HISTORICAL SCIENCE

The author of the article turned to the features of the formation of the image of the Russian campaign of 1812 in the memory of the French during the era of the Restoration and the July monarchy. It was the first half of the XIX century became an important stage in the construction of the “French” version of the events of 1812. The author came to the conclusion that the interpretation of the battles of this war as a “moral” and military-strategic victory of the Great Army replaced each other over the years under the influence of changes in the domestic political situation in France, balancing between the “Napoleonic legend” and historical science.

Keywords: historical memory; traumatic experience; commemorative practices; Russian campaign; Napoleonic Wars; the Napoleonic era; public consciousness.

About the author: Alena A. Postnikova, Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of “Scientific and Educational Center of the Regional Historical-Cultural Heritage and Cross-Cultural Relations” of the Institute of History and International Relations, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching Historical Disciplines, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Французская версия о событиях русского похода Наполеона начала зарождаться в «культурной памяти» Франции еще в 1812 г. Официальная пропаганда стремилась закрепить победу в кампании за Великой армией, в то же время представив свидетельства о сложности и даже почти «нереальность выполнения» военных операций.

Официальные результаты войны были обнародованы правительством в декабре 1812 г., подтверждавшие и подкреплявшие версию победоносности для французов русской кампании [Le Journal 21 décembre]. В периодической печати были опубликованы сведения о том, как обсуждались итоги войны в Сенате. Депутаты обратились к Наполеону с такими словами: «Сир, французы одержали победу в походе на Москву. Неприятель не может говорить об успехе. Результаты его действий заключаются лишь в опустошении собственной страны, в поджоге древней столицы. В этой варварской тактике проявилась его дикость» [Le Journal 21 décembre]. Наполеон, согласившись с этими словами, добавил, что значительные потери Великой армии были вызваны лишь суровым климатом.

Так, после завершения кампании продолжилась война памяти. Письмо маршала Л. Н. Даву, опубликованное в январе 1813 г., прекрасно демонстрировало противоречивость в восприятии русских и французских событий войны и невозможность принять версию противника: «Я с изумлением прочитал Санкт-Петербургские газеты, в которых пишут о том, что русские выиграли все сражения с Наполеоном. Как можно так нагло обманывать свой народ! Видимо, им очень трудно признать взятие Москвы. Они также не объявили себя побежденными в сражениях под Малоярославцем и на Березине» [Le Journal 30 janvier].

Французское общество, как правило, должно было составлять свое представление о событиях 1812 г. на основе официальных сообщений и публицистики. Писатели же и публицисты уже с начала кампании в художественной форме представляли читающей публике события войны, основываясь все на те же официальные сообщения. Так, обращаясь к причинам войны, авторы особое внимание акцентировали на необходимости освобождения Польши. Именно польский вопрос стал основным аргументом во французской публицистике, подтверждающим справедливость и благородство намерений французского императора.

В этом плане представляет интерес произведение «Вторая польская война» агента французской секретной службы Ж. М. Року [Rocques 1812]. Автор попытался подтвердить факт агрессивного характера политики России по отношению к Польше и призывал защитить соседние страны от территориальных притязаний Александра I.

Значимым событием, отраженным во французской публицистике, стала оккупация Москвы. Очевидно, что авторы попытались факт захвата города превратить в акт подлинного триумфа французов, убеждая общество в том, что это событие должно принести победу и завершение кампании. Так, в октябре, когда Великая армия начала уже отступление из Москвы, парижская публика продолжала жить героическими представлениями, которые почерпнула не только из газет, но и из литературы.

Именно в это время во Франции было опубликовано несколько од на русскую кампанию, которые получили широкую известность [Désaugiers 1812]. По иронии судьбы, когда французские солдаты боролись за жизнь в снегах России, парижская публика вдохновлялась поэтическими произведениями, восхвалявшими победы Великой армии в ходе этой кампании. Возможно, эти произведения в дальнейшем скрасили французам горечь от новостей о лишениях армии во время отступления из России.

По основным идейным линиям эти произведения схожи. В качестве основной причины войны в них вновь упоминается несоблюдение условий Континентальной блокады со стороны России: «Вместо того, чтобы с ней (Англией – А. П.) бороться, Россия считает ее союзником» [Quaynat 1812: 3]. Оды убеждали читателей в том, что Наполеон стре-

мился создать единую Европу, а Россия и Англия этому препятствовали. В одах говорилось, что русские, будучи не способны вести цивилизованную войну, вынуждены прибегать к варварским методам. Так, ожесточившись из-за поражения в битве, русские сожгли Москву:

Казак во время отступленья,
Взбешенный явным пораженьем,
С особым рвением город жег...
Я вижу стариков, детей и женщин,

Дух испускающих меж стенами пылающих домов [Désaugiers 1812: 7].

В то же время, по мнению сочинителя оды, французы отстаивали честь своей страны и должны гордиться победой под Москвой:

Вы с гордостью сказать должны:
Я дрался под Москвой,
И честь, и слава спасены,
Европа обрела покой [Ibidem].

Наиболее ярко эта версия оказалась воплощена в искусстве, закрепившем основные элементы образа в сознании французской публики. Так, к примеру, 10 декабря был опубликован анонс спектакля театра «Варьете» под названием «Семья москвитов». Сюжет был связан, как сегодня бы сказали, «с межкультурными контактами» французских солдат с жителями Москвы в октябре 1812 г. В соответствии со сценарием спектакля, во время пожара пострадал дом одной семьи; русская женщина, недавно родившая ребенка, пережив страх, потеряла молоко, и теперь ей нечем было кормить младенца. Но благородные французы, в отличие от ее соотечественников, оказали женщине помощь, подарив козу, которую купили у одного русского купца. Комментарий в газете к этому спектаклю отразил главную идею постановки: «Спектакль продемонстрировал великодушие французов в сравнении с поведением неприятеля» [Le Journal 10 décembre].

В период Реставрации традиция изображения в искусстве мужества и героизма французских солдат продолжилась, но в то же время для авторов беллетристических произведений русская кампания стала подаваться как главная ошибка Наполеона. В этом плане весьма примечательно произведение «Московская кампания» писателя А. Калло [Caillot 1817]. Принимая как неоспоримый факт победу Великой армии в войне, он отметил, что французские солдаты совершили в создавшихся условиях «невероятное». Тем не менее, Калло определил это событие всё же как катастрофу для Франции, к которой ее привели амбиции Наполеона: «Эта ужасающая кампания, несмотря на ее печальный результат, не будет менее славной для Франции. Необходимо доказать будущим поколениям, что нашим солдатам нужен был другой командующий» [Ibid.: 3].

Следует отметить, что подобная черта публикаций, когда восхваление смелости французских солдат сочеталась с критикой действий Наполеона, стала характерной и для упоминаний битвы при Ватерлоо. Именно в эти годы появляется во французских газетах знаменитая версия последнего сражения императора [Le Moniteur 1815 2].

В этот период французские публицисты создали легенду о знаменитой фразе генерала П. Камбронна «La garde meurt mais ne se rend pas! (Гвардия умирает и не сдается!)», брошенной им англичанам на предложение сложить оружие. Так, мужество гвардии восхвалялось на фоне военного поражения императора Наполеона. Этот сюжет нашел яркое воплощение в эстампах 1815 г., на одном из которых был саркастический комментарий: «Гвардия умирает, но не сдается, а Наполеон сдается, но не умирает» [La Garde meurt].

Легенда о фразе Камбронна, рожденная в те дни в Париже, должна была смягчить французам горечь трагедии, став отправной точкой движения к «славному поражению» французской армии при Ватерлоо, поражению, более достойному, чем громкая и блистательная победа. Во многом, с эпохи Реставрации происходит своеобразное объединение элементов образа Ватерлоо и отступления из России. Подобному «перформативанию памяти» способствовал тот факт, что это были единственные события Наполеоновской эпохи, героическая интерпретация которых была уместна в создавшихся политических условиях.

В те годы были предприняты попытки осмыслить события в России 1812 года и в литературной форме. Одним из первых авторов этого плана стал Ш. П. Бургоэн, адъютант 5-го вольтижерского полка Молодой гвардии, который попытался описать восприятие событий войны глазами французского солдата. В художественной форме он воспроизвел переписку, относящуюся к русскому походу, с родственниками своего брата А. Ж. Бургоэна, адъютанта маршала М. Нея.

Опубликованные письма были написаны от имени вымышленного Альфреда, в образе которого угадывается А. Ж. Бургоэн [Bourgoing 1815]. В первом письме автор описывает битву при Москве-реке: «Это было великое сражение, в котором наша армия покрыла себя славой. Меня в тот момент вдохновляли мысли о том, что я горжусь быть французом» [Ibid.: 4]. Следующее письмо Альфред написал уже из Москвы, выразив восхищение красотой города: «Я в царской столице. Возможно, это сон? Я пока не могу себя убедить в реальности того, что я вижу. Какой большой и прекрасный город! Но эта красота была уничтожена восточным варварством» [Ibid.: 10].

В период отступления, после переправы через Березину Альфред был взят в плен. Через несколько недель пребывания в плену он написал следующие строки о сражении на Березине: «Вот грустная история моих последних дней. Это сражение любви и чести было про-

питано болью! Оно было горьким! Мой храбрый полк был там, и мои товарищи сохранили верность императору» [Ibid.: 129].

Так, уже первые литературные опыты периода Реставрации оказались проникнуты пафосом героизма без каких-либо попыток глубокого осмысления хода военных действий. Но в 1820-е гг. появились и первые научные исследования, посвященные военно-оперативной стороне событий, подготовленные участниками кампании: полковником Ж. Шамбре, секретарем-архивистом Наполеона бароном А. Фэном и военным теоретиком А. Жомини.

Эти авторы, воспользовавшись делопроизводственными документами войны 1812 г., попытались представить основанный на фактах взгляд на кампанию. В частности, Шамбре так описал причину своего обращения к анализу событий в России: «Мне было необходимо исследовать все условия передвижения армии, битв, в которых приняли участие солдаты, учесть суровость климата, ресурсы, болезни. Наконец, я попытался осветить причины войны и обстоятельства поражения... Однако я отказался от оценки действий Наполеона» [Chambray 1823].

Фэн признался, что его основным мотивом обратиться к русской кампании стал факт появления разнообразных выдуманных версий, не подкрепленных реальными историческими фактами: «Большое количество работ, которые появились, предлагают различные версии в зависимости от разных деталей и видений. Нам необходимо вернуться к историческим обстоятельствам» [Fain 1827].

В качестве основной причины войны историки, вслед за предыдущими авторами, называли польский вопрос: «Наполеон ощущал свою ответственность за восстановление Польши. Поляки хотели этой войны, так как ненавидели русских» [Fain 1827: 3]. Помимо анализа польского вопроса, историки, подробно описав особенности дипломатических отношений между Францией и Россией накануне русской кампании, выявили целый комплекс противоречий, который неизбежно должен был привести к войне [Ibid.: 27].

Историки обратились ко всем сражениям русской кампании, проанализировав как действия французской армии, так и русской. Подробно описав ход сражения в Смоленске, они отметили, что это был просто бой без результата [Ibid.: 173]. «Жаль, что на этом война не закончилась. Русские оставили в ямах, на улицах города более четырех тысяч погибших и шесть тысяч раненых», – писал об итогах сражения Фэн [Ibid.: 378].

Подводя итоги Бородинской битвы, историки пришли к выводу, что французы достигли неполной победы [Chambray: 61; Fain: 41]. В описании пребывания Великой армии в Москве, они акцентировали внимание на вопросе заключения мира. Так, Шамбре обвинил русских в том, что они вопреки принятым правилам, в силу национальных особенностей, затянули рассмотрение этого вопроса [Chambray: 5].

В свою очередь, Фэн, уклонившись от поиска виновного, отметил факт того, что из-за длительного ожидания в Москве французы утратили все возможности: «Мы не нашли мира, мы нашли только фатальное сидение в течение 35 дней» [Fain 1827: 172]. Однако историки оказались едины во мнении, что Наполеон планировал перезимовать в России и начать новую кампанию [Chambray: 4].

Обратившись к сюжетам отступления, историки проигнорировали трудности, с которыми столкнулись солдаты, представив этот этап как поиск зимних квартир. Они были убеждены, что Наполеон планировал отступить к Минску. В связи с этим был вынужден вступить в сражение с русскими на Березине [Ibid.: 23]. По их мнению, эта битва стала победой французов [Fain: 358; Chambray: 66].

Однако Жомини, признавая благоприятный исход битвы для французов, все же отметил, что она в итоге не принесла спасение Наполеону: «Грустная победа, которую мы одержали, была знаменательна, но она только отсрочила нашу гибель» [Jomini: 204]. По мнению Фэна, единственным негативным результатом для Великой армии в этих событиях были большие потери, вызванные природными условиями: «В значительных потерях французов нет вины Наполеона. Они были вызваны обстоятельствами, в которых оказалась его армия» [Ibid.: 411].

Шамбре, Фэн, Жомини, проложив путь будущим исследованиям, представили первый научный анализ русской кампании во французской традиции. Сопоставив имеющиеся в их распоряжении документы с личными воспоминаниями, они приблизились к разгадке военно-стратегических проектов Наполеона. Современники, не вдаваясь в подробности анализа, данного этими историками, приняли лишь сам факт победы Великой армии.

Очевидно, что сухие научные изыскания не вызвали особого интереса во французском обществе, которое ожидало только сенсаций и парадоксов. Поэтому и на формирование образа русской кампании в сознании французов в большой степени повлияли дискуссии вокруг имени Наполеона, художественные произведения и родившаяся уже после смерти императора легенда и нем.

Научное изучение русской кампании было надолго приостановлено, уступив место легенде о Наполеоне. Ее созданию во многом способствовал сам французский полководец. В 1823 г. началась публикация «Мемориала» графа А. Д. Лас Каза, в котором были представлены воспоминания Наполеона на острове Св. Елены. Несомненно, основная цель императора заключалась в том, чтобы увековечить память о себе самом, стерев или затушевав «неудобные» страницы собственной истории. В итоге он создал героический образ русской кампании, на который ориентировались все последующие авторы в своем стремлении продлить жизнь «наполеоновской легенде».

Заточенный на о. Св. Елены, Наполеон, подводя итоги своей военной карьеры, признал, что русская кампания нанесла роковой удар Великой армии: «Армии более не существовало» [Las Cases 1823: 343]. В то же время бывший император категорически отверг предположение о заметной роли русских войск в уничтожении Великой армии [Ibid.: 344]. По мнению Наполеона, достойным противником французов были только «великие холода», которые им так и не удалось победить. Император подытожил итоги войны следующей фразой: «Русская кампания была победна, чудесна, трудна» [Ibid.: 340].

Процесс конструирования мифа о русской кампании еще в годы Реставрации поддержали деятели искусства, придав ему поэтическое толкование. Одним из первых представил художественный рассказ, посвященный Бородинской битве, П. Мериме, подчеркнув значимость этого события для французской истории [Мериме]. Герой рассказа прошел свое «боевое крещение» именно в этом сражении. В сущности, Мериме через опыт одного солдата раскрыл героизм всей Великой армии и показал ее восхищение культом Наполеона.

Вместе с тем, представленные в рассказе сцены сражения убеждали читателя в том, что война – это кровавое действо: «Вокруг меня были раненые и убитые. Капитан лежал у моих ног: ядром ему раздробило голову, и меня забрызгало его мозгом и кровью. Из всей моей роты на ногах остались только шестеро солдат и я» [Там же]. В целом, из рассказа следует, что в этом сражении французы одержали победу ценой огромных потерь. На эти размышления навевают последние слова, произнесенные французским капитаном: «Моя песенка спета, милый мой, но редут взят!».

Бородинская битва привлекла внимание и художника-воина Ж. Ш. Ланглуа [Земцов]. Его кисти принадлежит целый ряд монументальных полотен, посвященных событиям в России, в том числе «Битва при Москве-реке» и «Переправа через Березину». Более детальный анализ образа Бородинской битвы в творчестве художника был представлен В. Н. Земцовым. Сопоставив изображение панорамы французского художника с историческими фактами, исследователь пришел к следующему выводу: «Ланглуа создал эмоционально насыщенное и исторически правдивое полотно. Оно как нельзя лучше отразило французский, и никакой другой, взгляд на сражение, и по праву может быть названо “Битва при Москве-реке”» [Там же].

Ланглуа также обратился ко второму, не менее значимому событию войны – переправе через Березину. Эта картина, представленная французской публике в 1827 г., подчеркнула значимость и трагичность события для судеб Великой армии.

В целом, художников этого периода особенно привлекало отступление Великой армии из России. Так, генерал Ф. Л. Фурнье-Сарловез, принимавший участие в кампании, представил картину, ко-

торая передавала всеобщий хаос на переправе через Березину. Великий французский художник-романтик Т. Жерико создал известное полотно под названием «Россия». Жерико изобразил двух французских солдат: один из них слеп, на другой ведет своего товарища по русским снегам к спасению. Все эти картины были литографированы и стали известны в самых различных слоях французского общества. Тем самым образ войны 1812 года становится символом человеческой трагедии в массовом сознании французов.

В целом, период Реставрации во Франции стал важнейшим этапом в формировании памяти о русской кампании. В сущности, общая политическая обстановка не особенно повлияла на интерпретацию этих событий. Историки оказались сдержанными в выводах: они представили факты, характеризовавшие ход военных действий, одновременно нередко уклоняясь от оценок действий Наполеона. Исключение составили характеристики тех результатов Бородинского сражения и оккупации Москвы, которые ранее были представлены в официальной пропаганде Наполеона.

Удивительно, но, несмотря на антибонапартистские тенденции в политике правящего режима, период Реставрации стал важнейшим этапом для формирования героического мифа о русской кампании в контексте наполеоновской легенды. Этот миф получил свое дальнейшее развитие в период Июльской монархии. По образному выражению французского историка Ж. М. Ларжо, эпоха Реставрации, когда «мир был против храбрецов», закончилась [Largeaud 2006: 174-191]. Ей на смену пришла эпоха Июльской монархии, когда память о великом императоре и его славных храбрецах оказалась наконец-то востребованной.

30-е гг. XIX в. стали во Франции временем превращения живой, коммуникативной памяти о наполеоновской эпохе в память национальную, историческую, в память культурную. Если в предыдущее десятилетие события недавнего прошлого еще только начинали становиться историей, и виртуальные сражения на страницах публикаций оказывались своего рода продолжением боев участников великих событий, судьбы которых по-разному сложились в эпоху Реставрации, то в 30-е гг. ситуация изменилась. Не только многие ветераны наполеоновских войн стали один за другим уходить из жизни, но и государственная власть стала искать возможности воспользоваться «историческим капиталом» в целях консолидации разношерстного общества времен Июльской монархии.

Подлинной апологетикой стали наполняться теперь сюжеты, связанные с событиями эпохи Наполеона. Как заметил писатель А. де Мюссе, представитель поколения «детей Наполеона», «... в этом хаосе надо было делать выбор, вот что стояло тогда перед юношами, испол-

ненными силы и отваги, перед сынами Империи и внуками Революции» [Мюссе 2012: 26].

Не случайно, что в эти годы не вышло ни одного заметного исторического исследования, посвященного русской кампании, так как торжество «легенды» в общественном и политическом пространстве, как правило, не предполагает критического анализа прошлого. В основном, публиковались научно-популярные работы, в которых бросалось в глаза стремление к героизации Наполеоновской эпохи.

События русской кампании в этих исследованиях были представлены схематично, но особый акцент сделан на агрессивном, варварском поведении неприятеля как факте, подтверждающем превосходство французов [Roy 1846; Ardant 1833; Norvins 1841; Regnault 1846]. Так, историк Ж.Э. Роу, не подкрепляя свои выводы документами, отметил, что Наполеон одержал абсолютную победу во всех сражениях этой кампании [Roy 1846: 229]. В описании пребывания Великой армии в Москве он акцентировал внимание только на пожаре, вызванном «варварским поведением» неприятеля. Обратившись к причинам поражения в войне, он отметил только русский климат [Ibid.: 232]. Тем не менее, под воздействием мемуаров, которые уже были опубликованы к этому времени, авторы обратились к печальным условиям отступления французов, придав этому сюжету героический аспект, олицетворением которого стала победа на Березине [Ibid.: 234].

Весьма популярной в эти годы была книга историка Ж. де Норвена, посвященная биографии и деятельности Наполеона¹. Автор попытался убедить публику в том, что деяния императора были поистине великими: «Талант Наполеона как полководца намного превосходил подобные таланты его неприятелей» [Norvins 1841: 298]. Обратившись к характеристике русской кампании, он признал, что она оказалась фатальной для Великой армии. Однако в качестве причины такого исхода войны он вновь назвал русский климат [Ibid.: 5].

Мы отчетливо видим, что историки этого периода оказались под влиянием «наполеоновской легенды», игнорируя факты и источники. В сущности, их произведения, будучи довольно популярными в среде читающей публики, стали трансляторами соответствующего образа кампании в сознании французского общества.

Отсутствие глубоких исследовательских работ также активно компенсировалось иными жанрами репрезентации исторического прошлого. Так, инициативу не только возрождения, но, в значительной степени, и формирования памяти об этих событиях взяли в свои руки писатели, «дети наполеоновской эпохи», воспитанные в годы великих

---

¹ Герой романа Г. Флобера «Воспитание чувств» живет на набережной Наполеона. Однажды он приходит к одному из друзей и видит томик «Наполеон» Ж. де Норвена, книгу, которая была очень популярна в годы перед Июльской революцией.

подвигов французского императора. «Волнение его было похоже на то, какое мы все испытывали перед Наполеоном, какое мы вообще испытываем в присутствии великого человека, блистающего гением и облеченного славою», – выразил чувство восхищения французским императором Оноре де Бальзак в своем романе «Шагреновая кожа» [Бальзак 2003: 13].

Так, оказавшись под воздействием наполеоновской легенды, писатели апологетическим тоном и трагичностью наполнили сюжеты, связанные с событиями русской кампании Наполеона, на страницах художественной литературы. В одном из произведений Бальзака герой, участник войны 1812 г., рассказывает молодому поколению о переправе через Березину: «Переправа через Березину, мои друзья, убеждает нас в священности чести. Так никогда более не будут воевать. Армию спасли понтонеры. Русские нам помогли, потому что они еще уважали Великую армию» [Balzac 1830: 3]. Во многом, этот образ Березины, созданный писателем, как символ солдатской чести и мужества, продолжает жить в сознании французов и по сей день.

Однако Бальзак стремился показать не только героизм французских солдат и величие Наполеона, но и создать более глубокую психологическую картину войны. Так, герой его романа «Сельский врач», обращаясь к битве при Москве-реке, заявляет, что Наполеон привел солдат к победе, которая, по итогам кампании, уничтожила основную часть армии [Бальзак 2013].

Подобную идею выразил и писатель Ж. де Нерваль в поэме «Россия». Признав за Наполеоном талант полководца, он в то же время создал печальную картину отступления французов:

Да, это так! Товарищи мертвы!
И тихо спят под русскими снегами,
Они укрыты саваном, немые,
Тела сокрыты белыми лугами... [Nerval]

Не смог удержаться от написания биографии о Наполеоне и Александр Дюма. Продолжая традицию героизации деятельности императора, он создал картину самоотверженной борьбы французских солдат в просторах России. В описании Бородинского сражения Дюма отметил, что только вдохновение культом Наполеона сподвигло солдат сражаться до победного конца [Dumas 1840: 181].

Подобные героические тенденции были характерны в описании и иных сюжетов Наполеоновской эпохи. Одним из первых в этот период обратился к забытой в годы Реставрации памяти о победе под Аустерлицем В. Гюго в поэме «К колонне»: «Он возвратился с победой, в очередной раз завоевав свою любимую Францию» [Hugo]. Это произведение, актуализировав в сознании общества память о великой эпохе, «было встречено аплодисментами со страниц всех газет» [Nettement 1853: 26].

И все же писатели этого периода стремились рассказать не только о победе и величии Наполеона, но и нарисовать полную драматизма картину страданий и мужества французских солдат. К примеру, герой романа Бальзака Л. Ламбер, рассказывая о поле битвы под Аустерлицем, говорил так: «...я увидел во всех подробностях. Пушечные залпы, крики сражающихся звучали у меня в ушах и заставляли все внутри сжиматься; я чувствовал запах пороха, слышал ржанье лошадей и голоса людей; я любовался равниной, где сталкивались вооруженные народы, как если бы стоял на возвышенности Сантона. Это зрелище показалось мне таким же устрашающим, как видения Апокалипсиса» [Бальзак 1960: 32].

Победы наполеоновской эпохи стали одной из центральных тем постановок французских театров. В 1836 г. парижский театр-кафе давал драму «Наполеон в 1814 г.». Спектакль представлял собой монолог императора, в котором он вспоминал свои великие победы:

Да, здравствуют символы, символы победы,
Грохочущий Ваграм и славный Аустерлиц,
Гнусные лилии принесли лишь беды,
Но Франция восстанет, Франция, упавшая ниц!

Писатели своими творениями зафиксировали в представлении французов расхожие сюжеты о достигнутых победах и беспримерном героизме наполеоновских солдат во всех битвах. Вместе с этим, они не забывали писать и о войне как величайшей человеческой трагедии.

События русской кампании нашли отражение и в творчестве художников этого периода. Так, художники, литографы и граверы Н. Т. Шарле и Д. О. М. Раффе стали создавать романтизированный и героический образ эпохи. Они чувствовали, что не только и не столько победы ушедших в прошлое событий были нужны публике и власти, но и, в большей степени, героика поражений, пришедшихся на период 1812–1815 гг. На полотне Шарле, выставленном в салоне 1836 г., растянувшаяся колонна измученных французских солдат, продирающихся сквозь снега, нагромождения трупов, брошенных пушек и телег, продолжает бороться не только за свою жизнь, но и честь. В одиночную фигуру, упавшую на колени и поднявшую руки перед неприятелем, кто-то из колонны сразу же наводит ружье, намереваясь застрелить труса.

Не менее впечатляющими были сюжеты, предложенные художником Ж. Ф. Буассардом де Буасденье. Он представил французской публике в 1835 г. полотно, изображающее эпизод отступления Великой армии из Москвы. Эта картина, оцененная общественностью как проявление «высшей степени драматизма», мгновенно приобрела широкую известность во Франции. Буассард представил двух французских солдат, отставших от своей армии. Они одиноки в заснеженной пустыне. Один из солдат, кажется, засыпает, жадно глотая воздух, но при этом все еще пытается обогреть и вдохнуть жизнь в своего сослу-

живца, хотя тот, по-видимому, уже мертв. Человеческая солидарность, не утраченная солдатами Великой армии даже на пороге смерти, – таков был пафос этого полотна.

Театры Франции также не остались равнодушны к процессу осмысления русской кампании. Произведения писателей и художников вдохновили поэтов и сценаристов театров на создание романтических пьес о событиях войны 1812 г. Так, в 1840 г. французской публике была представлена опера «Сражение при Москве, или сирота Березины» [La bataille de la Moskowa 1840]. Как следует из либретто, в начале автор, якобы участник войны, обращается к залу: «Представив публике сражение за Москву и сражение на Березине, я хотел рассказать историю наших побед. Вы можете легко узнать бывшего солдата императорской гвардии. Вам будет интересно! И Вы узнаете, что может свершить любовь к Родине, Славе и Свободе!» [Ibid.: 2]. Сюжет оперы был связан с празднованием юбилея русской кампании. Бывшие солдаты Великой армии вспоминают храбрых товарищей, победивших неприятеля в битвах при Москве и на Березине, рассказывая молодому поколению о величии Наполеона.

Обратившись к раздумьям солдат во время происходивших событий, либретист, поэт и композитор решили отказаться от сюжетов, связанных с потерями и страданиями. Они оставили только то, что восхваляло военную честь и верность Наполеону [Ibid.: 33].

В театральном искусстве французы также пытались отразить судьбу военнопленных в России. Наиболее известным, затрагивающим эту тему, был спектакль «Аниела, или военнопленный в России» [Aniéla, ou Les prisonniers en Russie 1840]. Общий посыл произведения был связан с идеей о том, что война приносит гибель и печаль как победителям, так и проигравшим. Сценарий спектакля состоял из нескольких диалогов между французскими военнопленными и местными жителями, из которых читатель узнавал о тяжелой судьбе «оккупантов», которые оказались в плену, и пострадавших от неприятеля людей, вынужденных покинуть свои дома. Ключевой момент этих взаимных обменов драматическими историями был связан с тем, что, несмотря на все лишения, французские солдаты продолжали верить в своего императора [Aniéla, ou Les prisonniers en Russie 1840: 3].

Очевидно, что возрождение героических сюжетов в общественном дискурсе определялось характером политического пространства. Король Луи-Филипп, ощущая уязвимость своего положения на престоле, стремился, обращаясь к символам Наполеоновской эпохи, объединить общество. Знаковым событием этого периода стало перезахоронение праха императора, что еще более способствовало формированию мифа об Империи.

Одним из первых включился в процесс формирования «наполеоновского мифа» в те годы писатель и публицист С. Ганно. В своих про-

изведениях он представил Наполеоновскую эпоху как череду трагических событий, в ходе которых французская нация явила все свои достоинства [Ganneau 1843]. Вслед за Ганно многие авторы эпохи Июльской монархии даже сочли возможным представить военные поражения как «неполные победы Наполеона» [Massas 1842; Barthélemy 1835].

Формируя наполеоновский миф, в 1833 г. Луи-Филипп приказал восстановить памятник Наполеону на Вандомской колонне [Vue de la colonne]. Новая статуя была выполнена скульптором Ш. М. Сером, который представил императора в хорошо узнаваемой шляпе и в сюртуке, надетом поверх мундира, со зрительной трубой в правой руке.

А. И. Герцен, укrywшийся в Европе от «русского деспотизма», не раз наблюдал на этой площади удивительные сцены преклонения французов и тех, кто соотносил себя с ними, перед фигурой императора. Одну из этих сцен он описал в «Былом и думях», повествуя о каком-то «французе Севера»: «Раз вечером, поздно, зимой 1848 шел я с одним поляком из Мицкевичевых приверженцев по Вандомской площади. Когда мы поравнялись с колонной, поляк снял фуражку. “Неужели?..” – подумал я, не смея верить в такую глупость, и смиренно спросил его: что за причина, что он снял фуражку? Поляк показал мне пальцем на бронзового императора. Как же после этого не теснить и не угнетать людей, когда это приобретает столько любви!» [Герцен 1958: 102].

В 1836 г. было завершено строительство Триумфальной арки, увековечившей названия великих сражений французского императора, в том числе и сражение при Москве. Однако, слово «Березина», ставшее в этот период символом моральной победы и военной трагедии Франции, не было высечено на этом постаменте.

Помимо увековечения памяти о Наполеоне «в камне», король активно начал возрождать церемонию празднования Аустерлица, которая, однако, не нашла поддержки во французском обществе [Война, политика, память: 118]. Имперский пафос, чувство национального превосходства над другими народами, с которыми ассоциировался этот праздник, был уже чужд человеку времен Июльской монархии. Ритуал, тесно связанный с культом императора, для последующих поколений оказался уже не актуальным.

В свою очередь, оппозиция режиму Июльской монархии активно начала использовать память о Ватерлоо. Уже в начале 30-х гг. оппозиционная газета «Ле Шаривари» посвятила целый цикл статей сражению при Ватерлоо. В 1833 г., оценивая эту битву как ужасную трагедию, авторы призывали французов не тешить себя очередными иллюзиями в отношении новой монархии: «Это была ужасная война. 15 лет успеха завершили одним сражением. Мы видели конец империи – Ватерлоо» [Le Charivari 15 Janvier: 2]. Через несколько дней на страницах этой же газеты Ватерлоо было использовано как символ недоверия к власти: «Что мы имеем после Ватерлоо? Где наши права? Реставра-

ция или Гизо с его доктриной? Луи Филипп должен предоставить права французской нации. Вечное Ватерлоо!» [Le Charivari 23 Janvier: 3].

Под влиянием этих оппозиционных кругов Луи-Филипп отказался от конструирования политических мифов. Так, юбилей событий войны 1812 года не был отмечен на официальном уровне, оказавшись вне рамок исторической политики Июльской монархии.

В свою очередь, в связи с празднованием 25-летия Отечественной войны русские сформировали традицию торжественных военных церемоний в честь своей победы на Бородинском поле [Война, политика, память]. Официальных отзывов по этому поводу со стороны французского правительства не последовало. Эта церемония нашла только отклик в отдельных публикациях, авторы которых оценили ее как проявление страха перед образом Наполеона: «Николай I 26 августа, 7 сентября, особенно торжественно отметил годовщину битвы при Бородино, которую он представил в своей речи как победу святой России над врагом. Тень Наполеона – все еще кошмар для царя», – отметил историк этого времени Э. Дрио [Driault 1841: 26].

В любом случае, очевидно, что французы, не принимая русского торжественно-героического восприятия событий 25-летней давности, предпочли иной, более камерный, проникнутый трагизмом человеческой судьбы и трагизмом целых народов, образ последних лет Наполеоновской эпохи. В целом же, память о сражениях тех лет помогала определенному сплочению общественных кругов, но не способствовала укреплению правящего режима. Как справедливо заметил Р. Прайс, наполеоновский миф 30–40-х гг. XIX в. привел к перевороту 1851 г. и провозглашению Второй империи [Price 2004: 68–69].

По всей видимости, уже с эпохи Июльской монархии образы русской кампании трансформировались в рамках коммеморативных практик общественного дискурса. Публицисты, писатели, художники, предлагая интерпретацию этим событиям, способствовали конструированию исторической памяти общества. Обострение социальной и политической борьбы к концу существования Июльской монархии способствовало возрождению через литературу памяти о русской кампании как символу крушения величия Франции и бессмысленности жертв, принесенных на алтарь войны. Так, для Виктора Гюго, который часто сравнивал современную ему Францию с эпохой великого императора, переправа-катастрофа через Березину стала символом разочарований. В период революции 1848 г. Гюго так написал об этом: «О несчастные люди! Когда они обещают мир, они развязывают войну. Когда они создают империю, наступает 1812 г. Когда они переходят реку, это мост через Березину» [Hugo 1855: 21].

Таким образом, первая половина XIX в. стала важным этапом конструирования «французской» версии событий 1812 г. Интерпретация сражений этой кампании как «моральной» и военно-стратегической по-

беды Великой армии сменяли друг друга на протяжении многих лет под воздействием изменений внутривосточной ситуации во Франции. В годы Реставрации историки предприняли попытку подвергнуть сомнению военный гений Наполеона, проявленный в Бородинском сражении. Однако эти моменты не нашли отражения в последующих произведениях, авторы которых попали под очарование «наполеоновской легенды».

В итоге, в эпоху Июльской монархии инициатива в формировании памяти о войне перешла к деятелям искусства, склонным к пафосу героизма и трагизма. Их интересовали в большей степени сюжеты отступления, когда сущность человеческой природы проявилась наиболее рельефно. В целом, коммеморативные практики применительно к событиям 1812 г. в период Реставрации и Июльской монархии развивались в русле общественного дискурса, сила традиции которого окказывалась, как правило, значительно сильнее, чем воздействие дискурса политического.

Список источников и литературы

- Бальзак 2003** – Бальзак О. Шагреневая кожа. М., 2003.
- Бальзак 2013** – Бальзак О. Сельский врач. М., 2013.
- Бальзак 1960** – Бальзак О. Л. Ламбер. М., 1960.
- Война, политика, память** – Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. Екатеринбург, 2020.
- Герцен 1958** – Герцен А. И. Былое и думы. М., 1958.
- Земцов 2013** – Земцов В. Н. Ж.-Ш. Ланглюа и его панорама «Битва при Москве-реке» // История. 2013. Т. 4. Выпуск 1 (17).
- Мериме** – Мериме П. «Взятие редута». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=19684&p=2>.
- Мюссе 2012** – Мюссе А. Исповедь сына века. СПб.: Азбука, 2012.
- Aniéla, ou Les prisonniers en Russie 1840** – Aniéla, ou Les prisonniers en Russie: épisode historique, dialogué et mêlé de chants, en trois époques, de la guerre de 1812. Tresse (Paris), 1840.
- Ardant 1833** – Ardant L. Histoire de Napoléon. Détails sur sa famille, sa naissance, son éducation... 3e édition, augmentée d'une notice historique sur le duc de Reichstadt. Limoges, 1833.
- Balzak 1830** – Balzak O. Berezina. P., 1830.
- Bourgoing 1815** – Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. Paris, 1815.
- Caillot 1817** – Caillot A. Campagne de Moscou, contenant des récits extraordinaires sur les armées françaises; précédée de l'Histoire de Russie. P., 1817.
- Calvet 2016** – Calvet S. Cambronne. La légende de Waterloo. P., 2016.
- Chambray 1823** – Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P.: Pillot aîné, 1823. Т. 1.
- Désaugiers 1812** – Désaugiers M. A. Chansons et poésies diverses. P., 1812.
- Driault 1841** – Driault E. L'Egypte et l'Europe, la crise de 1839–1841: correspondance des consuls de France et instructions du gouvernement. P., 1841. Т. 1.
- Fain 1827** – Fain A. Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 1.
- Ganneau 1843** – Ganneau S. Waterloo: à vous, beaux fils de France, morts pour l'honneur, salut et glorification! P., 1843.

- Houssay 1907** – Houssay H. La garde meurt mais ne se rend pas: Histoire d'un mot historique. P., 1907.
- Hugo 1855** – Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P., 1855.
- Hugo 1869** – Hugo V. A la Colonne // Oeuvre poétique: 10 vol. P., 1869–1870. T. 4.
- Jomini 1827** – Jomini A. H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. P., 1827. T. 1–4.
- Journal 1815** – Journal général de France. 1815. 24 Juin.
- Larousse 1862** – Larousse P. Le Mot de Cambronne. P., 1862.
- La Garde meurt** – La Garde meurt et ne se rend pas, mais Buonaparte se rend et ne meurt pas. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6954862b.r=La+Garde+meurt%2C+mais+ne+se+rend+pas.langEN>.
- Las Cases 1823** – Las Cases A. D. Mémorial de Sainte Hélène. P., 1823.
- Largeaud 2006** – Largeaud J. M. Napoléon et Waterloo. P., 2006.
- Le Journal 21 décembre** – Le Journal de l'Empire 1812. 21 décembre.
- Le Journal 30 janvier** – Le Journal de l'Empire 1812. 30 janvier.
- Le Journal 10 décembre** – Le Journal de l'Empire 1812. 10 décembre.
- Le Charivari 15 Janvier** – Le Charivari. 1833. 15 Janvier.
- Le Charivari 23 Janvier** – Le Charivari. 1833. 23 Janvier.
- Le Moniteur 25 June** – Le Moniteur universel. 1815. 25 June.
- La Gazette 25 June** – La Gazette de France. 1815. 25 June.
- La bataille de la Moskowa 1840** – La bataille de la Moskowa ou L'orpheline de la Bérézina. P., 1840.
- Massas 1842** – Massas Ch. Les Derniers jours de l'Empire, poème en quatre chants: l'île d'Elbe, le retour, Waterloo, Sainte-Hélène. P., 1842.
- Nerval** – Nerval G. La Russie. URL: <https://www.poesie-francaise.fr/gerard-de-nerval/poeme-la-russie.php>.
- Norvins 1841** – Norvins J. Histoire de Napoléon. Bruxelles, 1841.
- Regnault 1846** – Regnault É. Histoire de Napoléon : ornée de gravures sur acier dessinées par Raffet et De Rudder. P.: Perrotin, 1846.
- Nettement 1853** – Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration: 2 vol. P., 1853. T. 2.
- Price 2004** – Price R. People and Politics in France, 1848–1870. Cambridge, 2004.
- Quaynat 1812** – Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812.
- Rocques 1812** – Rocques J. G. Seconde guerre de Pologne. P., 1812.
- Roy 1846** – Roy J. J. Histoire de Napoléon. Lille, 1846.
- Vue de la colonne** – Vue de la colonne de la place Vendôme Prise rue Saint Honore [sic]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530062916/f1.zoom.r=Colonne%20Vendôme.langFR>.

References

- Bal'zak 2003** – Bal'zak O. Shagrenevaya kozha. M., 2003.
- Bal'zak 2013** – Bal'zak O. Sel'skij vrach. M., 2013.
- Bal'zak 1960** – Bal'zak O. L. Lamber. M., 1960.
- Vojna, politika, pamyat'** – Vojna, politika, pamyat': Napoleonovskie vojny i Per-vaya mirovaya vojna v prostranstve yubileev. Ekaterinburg, 2020.
- Gercen 1958** – Gercen A. I. Byloe i dumy. M., 1958.

- Zemcov 2013** – Zemcov V. N. Zh.-Sh. Langlua i ego panorama «Bitva pri Moskve-reke» // Istorija. 2013. T. 4. Vypusk 1 (17).
- Merime** – Merime P. «Vzyatie reduta». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=19684&p=2>.
- Myusse 2012** – Myusse A. Isposed' syna veka. SPb.: Azbuka, 2012.
- Aniéla, ou Les prisonniers en Russie 1840** – Aniéla, ou Les prisonniers en Russie: épisode historique, dialogué et mêlé de chants, en trois époques, de la guerre de 1812. Tresse (Paris), 1840.
- Ardant 1833** – Ardent L. Histoire de Napoléon. Détails sur sa famille, sa naissance, son éducation... 3e édition, augmentée d'une notice historique sur le duc de Reichstadt. Limoges, 1833.
- Balzac 1830** – Balzac O. Berezina. P., 1830.
- Bourgoing 1815** – Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. Paris, 1815.
- Caillot 1817** – Caillot A. Campagne de Moscou, contenant des récits extraordinaires sur les armées françaises; précédée de l'Histoire de Russie. P., 1817.
- Calvet 2016** – Calvet S. Cambronne. La légende de Waterloo. P., 2016.
- Chambray 1823** – Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P.: Pillet aîné, 1823. T. 1.
- Désaugiers 1812** – Désaugiers M. A. Chansons et poésies diverses. P., 1812.
- Driault 1841** – Driault E. L'Egypte et l'Europe, la crise de 1839–1841: correspondance des consuls de France et instructions du gouvernement. P., 1841. T. 1.
- Fain 1827** – Fain A. Manuscrit de 1812. P., 1827. T. 1.
- Ganneau 1843** – Ganneau S. Waterloo: à vous, beaux fils de France, morts pour l'honneur, salut et glorification! P., 1843.
- Houssay 1907** – Houssay H. La garde meurt mais ne se rend pas: Histoire d'un mot historique. P., 1907.
- Hugo 1855** – Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P., 1855.
- Hugo 1869** – Hugo V. A la Colonne // Oeuvre poétique: 10 vol. P., 1869–1870. T. 4.
- Jomini 1827** – Jomini A. H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. P., 1827. T. 1–4.
- Journal 1815** – Journal général de France. 1815. 24 Juin.
- Larousse 1862** – Larousse P. Le Mot de Cambronne. P., 1862.
- La Garde meurt** – La Garde meurt et ne se rend pas, mais Buonaparte se rend et ne meurt pas. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6954862b.r=La+Garde+meurt%2C+mais+ne+se+rend+pas.langEN>.
- Las Cases 1823** – Las Cases A. D. Mémorial de Sainte Hélène. P., 1823.
- Largeaud 2006** – Largeaud J. M. Napoléon et Waterloo. P., 2006.
- Le Journal 21 décembre** – Le Journal de l'Empire 1812. 21 décembre.
- Le Journal 30 janvier** – Le Journal de l'Empire 1812. 30 janvier.
- Le Journal 10 décembre** – Le Journal de l'Empire 1812. 10 décembre.
- Le Charivari 15 Janvier** – Le Charivari. 1833. 15 Janvier.
- Le Charivari 23 Janvier** – Le Charivari. 1833. 23 Janvier.
- Le Moniteur 25 June** – Le Moniteur universel. 1815. 25 June.
- La Gazette 25 June** – La Gazette de France. 1815. 25 June.
- La bataille de la Moskowa 1840** – La bataille de la Moskowa ou L'orpheline de la Bérézina. P., 1840.
- Massas 1842** – Massas Ch. Les Derniers jours de l'Empire, poème en quatre chants: l'île d'Elbe, le retour, Waterloo, Sainte-Hélène. P., 1842.

- Nerval** – Nerval G. La Russie. URL: <https://www.poesie-francaise.fr/gerard-de-nerval/poeme-la-russie.php>.
- Norvins 1841** – Norvins J. Histoire de Napoléon. Bruxelles, 1841.
- Regnault 1846** – Regnault É. Histoire de Napoléon : ornée de gravures sur acier dessinées par Raffet et De Rudder. P.: Perrotin, 1846.
- Nettement 1853** – Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration: 2 vol. P., 1853. T. 2.
- Price 2004** – Price R. People and Politics in France, 1848–1870. Cambridge, 2004.
- Quaynat 1812** – Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812.
- Rocques 1812** – Rocques J. G. Seconde guerre de Pologne. P., 1812.
- Roy 1846** – Roy J. J. Histoire de Napoléon. Lille, 1846.
- Vue de la colonne** – Vue de la colonne de la place Vendôme Prise rue Saint Honore [sic]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530062916/f1.zoom.r=Colonne%20Vendôme.langFR>.

УДК 821.161.1-94
DOI 10.26170/2413-872X_2021_24_29
Код ВАК 07.00.02

Е. Е. Приказчикова

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИФА О «ДЕДУШКЕ БАЖОВЕ» В УРАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье на материале эго-документов, преимущественно эпистолярных, рассматриваются основные направления формирования и функционирования мифа о «дедушке Бажове» в уральской культуре первой половины XX в. Автором рассматриваются основные варианты культурного мифотворчества, включающие в себя барберический (бородатый) внешний облик писателя, связь его социального статуса с «институтом заводских стариков», различные варианты геронтологических жалоб П. П. Бажова, позволивших писателю отказать от лишней в его возрасте работы, выстроить отношения со столицей, отстоять право работать в любимом жанре сказа. Особое место в статье занимает сотериологический миф о «дедушке Бажове», спасающем от политических репрессий второй половины 1940-х гг. Свердловский отделение Союза Советских Писателей, которым он руководил с 1940 г. до своей смерти.

Ключевые слова: уральская культура; институт заводских стариков; геронтологический аспект; сотериологические мифы; уральская литература; уральские писатели; литературное творчество; литературные жанры; эго-документы; эпистолярный жанр.

Сведения об авторе: Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России